

**К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
СОВЕТОМ БЕЗОПАСНОСТИ ООН НАРКОПРОИЗВОДСТВА В АФГАНИСТАНЕ
КАК УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ <*>**

С.В. АЛЕНКИН, А.А. ВАРФОЛОМЕЕВ, А.Ю. ЗУБКОВ

<*> Alenkin S.V., Varfolomeev A.A., Zubkov A.Yu. To the issue of international and legal qualification of the UN Security Council for drug production in Afghanistan as a threat to international peace and security.

Аленкин С.В., руководитель Международно-правового департамента ФСКН России, кандидат юридических наук, доцент.

Варфоломеев А.А., докторант факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат политических наук, доцент.

Зубков А.Ю., заместитель начальника Управления международного сотрудничества Международно-правового департамента ФСКН России (г. Москва).

В статье обосновывается с позиций международного права тезис о том, что производство наркотиков на территории Афганистана следует рассматривать как угрозу миру и безопасности.

Ключевые слова: наркопроизводство, незаконный оборот наркотиков, международная безопасность.

The article substantiates in terms of international law the idea that drug production in Afghanistan should be seen as a threat to peace and security.

Key words: drug production, illegal drug trafficking, international security.

Вот уже несколько лет в международной среде специалистов-практиков, экспертов, дипломатов и международных чиновников идет обсуждение вопроса о квалификации афганского наркопроизводства в качестве угрозы для международного мира и безопасности. Заявления о настоятельной потребности в подобных "статусных подвижках" делали Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), официальное российское руководство, авторитетные исследователи-международники.

В данной работе мы хотели бы уделить внимание двум - как всегда, диалектически противостоящим друг другу - взглядам на данную проблему: объективным международно-правовым основаниям и вопросам политической конъюнктуры. Не отрицая ценности многочисленных работ, посвященных эмоциональным оценкам гуманитарной катастрофы в самом Афганистане, а также проседающих под героиновым гнетом странах - потребителях афганских опиатов, мы тем не менее считаем необходимым вернуться к юридическим аргументам. В конечном счете именно международное право должно оставаться эффективным руководством к действию по устранению самых серьезных угроз для безопасного развития мирового сообщества, к которым по факту относится афганское наркопроизводство <1>, даже находясь в режиме ожидания официальной квалификации со стороны Совета Безопасности ООН.

<1> Мы приведем лишь одну цифру, официально обнародованную в докладе Управления ООН по наркотикам и преступности о наркотрафике из Афганистана (был опубликован в августе 2011 г.). По данным отчета, из 68 млрд. долл. дохода, полученного от изготовления и распространения наркотиков за 2009 г. в мире, около 61 млрд. долл. (почти 90%) было доходом от афганского наркотрафика.

Первый вопрос, на который необходимо дать ответ: почему мы в принципе говорим о международном мире и безопасности, когда обращаемся к проблеме афганского наркопроизводства? Ведь право международной безопасности внутренне строится на таких классических военных понятиях, как "агрессия", "вооруженные силы", "поддержание мира", "санкции" и т.п. Совокупность норм международного права в данной отрасли исторически формулировалась в интересах решения межгосударственных споров, урегулирования международных конфликтов, шагов мирового сообщества по противодействию агрессивным военным действиям. В то же время борьба с нелегальными наркотиками субсидиарно регулировалась национальным уголовным правом (в рамках той или иной юрисдикции) и международным уголовным правом как отраслью международного права, включающего совокупность норм в области международной борьбы с преступностью. Незаконный оборот наркотиков в данном контексте рассматривался лишь как один из видов разноликой транснациональной организованной преступности. Используя образные выражения Д. Биго, можно сказать, что в существовавшей политико-правовой традиции борьба с криминальным наркотрафиком лежала в области "полицейской" безопасности, в то время как вопросы международного мира традиционно относились к безопасности "военной".

Существующие нормы в свое время вырабатывались в русле простой аксиомы: угрозы для международного мира и безопасности могут происходить лишь от государств либо их агрессивных объединений. Устав ООН, который является краеугольным камнем для современного права международной безопасности, начали писать в последние месяцы Второй мировой войны, когда устранялась самая страшная, если позволительно так выразиться, "образцовая" угроза для мира во всем мире со стороны государств оси. Память об этой угрозе довлела над политиками, дипломатами и юристами на протяжении всего XX столетия. Более полувека, несмотря на политологические рассуждения о новых измерениях и параметрах безопасности, угрозы для мира, которые выявлялись и определялись с позиций международного права, имели четко выраженное государственное происхождение.

Однако доктринальная аксиома международного права была опровергнута. 12 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН объявил террористические нападения на США, совершенные накануне, угрозой для международного мира и безопасности. Таким образом, впервые в новейшей истории на высшем международном уровне было признано, что негосударственные субъекты и проблемы могут быть столь же опасными для международной безопасности, как и вооруженное нападение (агрессия) со стороны государств и их объединений. Квалификация была подкреплена в последующих резолюциях (в частности, 1373 (2001), 1566 (2004), 1624 (2005)), где Совбез ООН вновь подтвердил, что акты международного терроризма, где бы и кем бы они ни совершались, представляют серьезную угрозу для международного мира и безопасности.

Историческое значение Резолюций 1368 и 1373 заключается еще и в том, что благодаря их императивным и дефинитивным положениям на проблеме терроризма сомкнулось две отрасли международного права - международное уголовное право и право международной безопасности. Сугубо уголовно-правовой вопрос терроризма (как частного вида общекриминальных проблем, пусть и с глобальным звучанием) официально получил статус угрозы для международного мира и безопасности <2>. Таким образом, проблема терроризма создала двойной прецедент в решениях Совета Безопасности ООН: во-первых, были сняты ограничения с субъектного (государственного) происхождения проблемы, квалифицируемой в качестве угрозы для международного мира и безопасности; во-вторых, было указано, что для устранения криминальной угрозы могут быть задействованы нормы права международной безопасности.

<2> В настоящее время даже пункт повестки дня тематических заседаний Совета Безопасности ООН имеет наименование "Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами".

Прецедент остается таковым лишь до повторного решения по сходному алгоритму. 28 апреля 2004 г. Совет Безопасности ООН расширил число официально признанных негосударственных угроз для международного мира и безопасности. Своей Резолюцией 1540 Совет определил, что такой угрозой являются распространение и незаконный оборот оружия массового уничтожения (ОМУ), который предполагает участие негосударственных субъектов (таких как террористические организации и транснациональные преступные объединения). В частности, в тексте Резолюции 1540 Совбез ООН заявил, что "серьезно обеспокоен угрозой незаконного оборота ядерного, химического или биологического оружия и средств его доставки и относящихся к ним материалов, что придает новое измерение проблеме распространения такого оружия, а также создает угрозу для международного мира и безопасности". Указанный подход и соответствующие решения Совета были позднее подтверждены в его Резолюциях 1673 (2006), 1810 (2008) и 1977 (2011). К слову, на данном направлении также наблюдается смыкание норм права международной безопасности и отчасти международного уголовного права. Однако в отличие от терроризма движение навстречу происходит в обратном порядке: первично определенные как вопросы обеспечения мира (межгосударственные режимы нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями) с принятием Резолюции 1540 данные проблемы приобрели и криминальный оттенок. Все большее внимание мировой общественности стали привлекать преступные объединения, стремящиеся к обладанию ОМУ, его компонентами и связанными технологиями; а также безответственные государства, пытающиеся "заигрывать" с такими структурами (борющиеся с негосударственными субъектами либо использующие такую борьбу как повод для реализации своих геополитических интересов).

Необходимо отметить, что в контексте темы нашей работы ооновская квалификация распространения и незаконного оборота ОМУ представляется особенно интересной, причем не только вследствие наличия в формулировке словосочетания "незаконный оборот". Указанная проблема вообще имеет много схожих имманентных свойств с незаконным оборотом наркотиков. Например, постоянный и продолжающийся характер.

Терроризм дискретен. Акты терроризма имеют черты отдельных завершенных действий, даже если они осуществляются одними лицами, регулярно и на одной и той же территории. Распространенной оценкой стало описание крупных терактов как террористических нападений (именно данный термин, как мы говорили выше, использовал Совет Безопасности ООН применительно к событиям 11 сентября 2001 г.). Образно говоря, терроризм в большей степени похож на традиционные военные угрозы безопасности (а с философской точки зрения он вообще может быть описан как привнесение практики военных действий в мирную жизнь). Вот почему в наши дни не только отдельные политические деятели, но и авторитетные юристы-международники развивают идеи права на самооборону в ответ на террористические нападения, возможности признания террористических действий в качестве актов агрессии и т.п. Афганское наркопроизводство, безусловно, может быть разобрано на интегративные правонарушения-эпизоды, но даже самые вопиющие из них по отдельности вряд ли будут обладать соответствующим масштабом. А рассуждения о собирательной **наркоагрессии** в настоящий момент не могут быть расценены иначе как криминологические изыски и броские образы для СМИ (во всяком случае, представляется, что их использование во внешнеполитической практике с учетом установок действующего международного права будет бесперспективным).

Еще один момент, объединяющий вызовы со стороны незаконных наркотиков и ОМУ, - то, что в обоих примерах борьба ведется со средствами создания угроз безопасности. Терроризм не имеет легального измерения, любые его проявления незаконны, в то время как в двух других

случаях угрозу представляет лишь использование наркотиков либо ОМУ в противоправных целях (государством или негосударственным субъектом, прямо или опосредованно) <3>.

<3> Отвлекаясь от рассуждений о негосударственных субъектах, здесь весьма интересным было бы провести аналогию между прямым или косвенным участием государства в противоправном обороте ОМУ в нарушение международного режима нераспространения и прямым или косвенным участием государства в масштабном наркообороте в нарушение международного режима контроля над наркотиками. Подобное сопоставление представляется весьма перспективным и в практическом плане, потому что затрагивает важнейший аспект международно-правовой ответственности (от публичного осуждения до соответствующих санкций и действий в соответствии с [главой VII](#) Устава ООН).

Учитывая все вышесказанное и двигаясь в русле наших рассуждений, мы вновь хотели бы обратить внимание на признание Совбезом ООН в качестве угрозы для международного мира и безопасности распространения и незаконного оборота ОМУ. А ведь его реальные масштабы (а не разрушительный потенциал), к счастью, не идут ни в какое сравнение с ужасающим афганским наркотрафиком. Очевидно, что на пути развития имеющегося опыта (инициатором Резолюции 1540 Совбеза ООН, как известно, была Россия) предстоит разобрать достаточное количество совершенно новых вопросов. Однако убеждены, что профессионализм российских экспертов и их коллег из стран, действительно желающих нивелировать афганскую наркоугрозу (к которым, безусловно, относятся страны ОДКБ), поможет подвести международно-правовую базу под давно востребованные временем решения.

Десятилетие, прошедшее после событий 11 сентября 2001 г., свидетельствует, что пока невозможно говорить о "переиздании" права международной безопасности: не только создание юридических новелл, но даже само переосмысление правовой теории с учетом новых международных реалий в целом проходят достаточно медленно <4>. Однако Совет Безопасности убедительно продемонстрировал умение по-новаторски реагировать на важнейшие проблемы международной безопасности, согласовав во многом разрозненные подходы своих членов применительно к проблемам терроризма и незаконного оборота ОМУ. С учетом этого полагаем, что нет формальных правовых оснований не рассматривать афганское наркопроизводство в контексте угроз для международного мира и безопасности: на сегодня нет даже *de facto* перечня признаков таких угроз (соответственно, невозможно говорить о несоответствии проблемы афганского наркопроизводства такому перечню <5>). Устав ООН также не ограничивает Совет Безопасности в том, какие ситуации могут быть квалифицированы в качестве угроз для международного мира и безопасности, а какие - нет. Квалификация ситуации происходит *ad hoc* - в каждом конкретном случае, принимая во внимание все обстоятельства дела (при этом аргументация по существу афганского наркопроизводства отлично известна не только узкому кругу специалистов, но и самой широкой международной общественности).

<4> Мы, конечно, не берем в расчет то новое расширительное толкование уже существующих норм, которое выгодно отдельным государствам, например концепцию гуманитарной интервенции или придание статуса комбатанта членам "Аль Каиды" и "Талибана". Это не актуализация системы норм, а попытка их конъюнктурного использования.

<5> Полагаем, что перечень признаков угроз для международного мира и безопасности, безусловно, был бы желателен. Но вряд ли он будет выработан в ближайшее время, поскольку его появление может лишить некоторые страны т.н. политического маневра, доходящего зачастую до двойных стандартов.

В этой связи внимания заслуживает еще один доктринальный вопрос, решение которого

имеет особое значение для практической составляющей формирования и реализации современного российского внешнеполитического курса, направленного на минимизацию наркоугрозы, исходящей с территории Афганистана. Это соотношение понятий "международная безопасность" и "международная стабильность".

Так, если следовать Большому энциклопедическому словарю, международная безопасность - система международных отношений, основанная на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключающая решение спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы.

Принципы международной безопасности предусматривают утверждение мирного сосуществования в качестве универсального принципа межгосударственных отношений, обеспечение равной безопасности для всех государств, создание действенных гарантий в военной, политической, экономической и гуманитарной областях: недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полную его ликвидацию; роспуск военных группировок; безусловное уважение суверенных прав каждого народа; справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов; укрепление доверия между государствами; выработку эффективных методов предотвращения международного терроризма, противодействия транснациональной организованной преступности, в т.ч. в сфере незаконного оборота наркотиков; искоренение геноцида, апартеида, проповеди фашизма; исключение из международной практики всех форм дискриминации, отказ от экономических блокад и санкций (без рекомендаций мирового сообщества); установление нового экономического порядка, обеспечивающего равную экономическую безопасность всех государств. Неотъемлемая часть международной безопасности - действенное функционирование закрепленного [Уставом](#) ООН механизма коллективной безопасности.

Международная стабильность - структурное равновесие системы межгосударственных отношений, обеспечивается стремлением к достижению баланса сил и интересов путем установления и поддержания справедливого мирового правопорядка. Термин происходит из трудов североамериканских теоретиков международных отношений, употребляется ими в смысле, очень близком понятию "баланс сил".

В российских основополагающих актах - [Концепции](#) внешней политики Российской Федерации (утв. распоряжением Президента Российской Федерации от 12.07.2008 N Пр-1440) и [Стратегии](#) национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 N 537) - разделяются понятия "международная безопасность" и "стратегическая стабильность".

Если толковать международную безопасность как глобальную, **всеобщую мировую безопасность** (состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в планетарном масштабе), то незаконное распространение наркотиков, приводящее к деградации человеческого потенциала, влекущее повышение смертности населения, рост преступности и посягающее на мировой правопорядок, как представляется, очевидно, является угрозой международной безопасности, но не стратегической стабильности, хотя и может воздействовать на стабильность опосредованно.

Современный незаконный наркобизнес, по сути, превратился в глобальную сетевую структуру, ведущую непрерывную войну против населения стран мира с применением особого вида психотропного оружия. Масштабное наркопроизводство в различных регионах планеты значительно повышает конфликтный потенциал в системе международных отношений, в т.ч. из-за сращивания наркопреступности с террористическими организациями и роста коррупции, создавая тем самым угрозу международному миру.

При этом квалификация афганской наркоугрозы именно как угрозы международному миру

и безопасности является ключевым актом для возникновения правовых оснований к применению механизма обеспечения безопасности в соответствии с [Уставом ООН](#).

Следующий вопрос, который мы хотели бы рассмотреть: почему статус афганского наркопроизводства (как угрозы для международного мира и безопасности) должен быть привязан к официальной позиции Совета Безопасности ООН? Обратная сторона этого вопроса - утверждения, что каждый субъект международных отношений волен давать ту или иную оценку конкретной проблеме, ранжировать ее по собственному усмотрению и нет смысла в заикливании на официальной позиции Совбеза ООН. Отметим, что приведенные здесь вопрос и утверждения могут возникнуть лишь у тех последователей англосаксонской правовой традиции, которые распространяют упомянутый нами подход ad hoc не только на рассмотрение, но и на практическое решение проблем в области международной безопасности.

Так, США неоднократно заявляли и убедительно демонстрировали, что в устранении угроз миру они опираются на ad hoc coalitions. То есть коалиции, мандат, число и состав участников которых определяются напрямую той задачей, для решения которой они создаются.

Администрация Президента Б. Обамы завершает ревизию внешней политики, проводившейся предыдущим правительством США, и результатов деятельности федеральных ведомств за рубежом, в т.ч. в Афганистане и вокруг него, включая борьбу с такими угрозами и вызовами национальной безопасности, как наркоугроза и угроза международного терроризма. Результатом такой ревизии должна стать корректировка при необходимости и по возможности американских подходов к решению стоящих проблем.

Вместе с тем, как показывает новейшая история, для максимально эффективного достижения собственных целей США в том или ином конкретном случае задействовали НАТО, ОБСЕ, ООН или другие "конструкты", даже не формализованные и институционализированные в достаточной степени <6>. Белый дом заявляет, что "основная ответственность за безопасность" в Афганистане должна перейти от НАТО к афганскому правительству в конце 2014 г. К этому моменту Афганистан согласно подписанной на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 г. Декларации о несокрушимом партнерстве должен стать "надежным партнером НАТО и обеспечить НАТО всем необходимым содействием для выполнения партнерской деятельности альянса", включая проведение реформы силовых министерств и национальных институтов, подготовку кадров по борьбе с терроризмом и наркотрафиком <7>. В концепции глобального НАТО, согласно которой альянс для реализации глобального присутствия опирается на посредников, это называется построением потенциала партнеров (Partner Capacity Building).

<6> Вспомним Международные силы содействия безопасности (МССБ; International Security Assistance Force, ISAF), созданные для Афганистана по инициативе США. С августа 2003 г. руководство МССБ осуществляется блоком НАТО. Однако ни МССБ, ни сам Североатлантический альянс не несут ответственность за наркоситуацию на контролируемой территории ни de jure, ни de facto.

<7> Следует отметить, что любое производство, в т.ч. и наркопроизводство, предполагает наличие транспортной инфраструктуры (для Афганистана это сеть автодорог), которая способствует доставке к местам лабораторий прекурсоров и собранного крестьянами в огромных количествах урожая (по данным УНП ООН, в 2011 г. урожай опия в Афганистане составил 5800 т), а также транспортировке готовой продукции, в первую очередь героина. С учетом того что в соответствии с законами страны контроль и ответственность за безопасностью на автомагистралях осуществляются как силами местной полиции, так и специализированными частными охранными структурами, с которыми США и их союзники заключают соответствующие контракты на перевозку грузов, определенный интерес представляет доклад Конгресса США "Warlords, Inc." 2010 г., подготовленный под руководством председателя подкомитета по национальной безопасности и

внешним делам Комитета по надзору и реформе правительства Палаты представителей США (Chair, Subcommittee on National Security and Foreign Affairs Committee on Oversight and Government Reform) конгрессменом Дж.Ф. Тьерны (дем. партия). В докладе указывается, что для сокращения своих потерь Минобороны США в рамках контракта "Перевозка в стране пребывания" (Host Nation Trucking) перепоручает доставку грузов на 200 военных баз США и НАТО частным военным подрядчикам. Эти контракты покрывают 70% всех перевозок внутри Афганистана, составляют сумму в 2 млрд. 160 млн. долл. и распределены между 8 компаниями: 5 американскими, 1 дубайской и 2 афганскими. Американские подрядчики напрямую не участвуют, а нанимают афганских субподрядчиков.

Пример афганского субподрядчика - компания "Ватан риск менеджмент". Вопросы безопасности она передает полевому командиру Рухулле (Ruhullah). Местные жители зовут его Мяслик. Ранее задерживался по подозрению в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Рухулла полностью контролирует трассу N 1 между Кандагаром и Кабулом (480 км). Все без исключения перевозчики платят командиру Рухулле за сопровождение или безопасность грузов - иначе конвой попадет под обстрел. Типичный конвой перевозчиков состоит из примерно 300 грузовиков и 400 - 500 охранников. По этой трассе ежемесячно проходит около 3500 грузовиков, и за проезд каждого грузовика Рухулла взимает 1500 долларов, что дает 5250000 долл. дохода в месяц.

Помимо Рухуллы есть еще десяток полевых командиров - вожди племен и бывшие моджахеда, которые распределили между собой все дороги Афганистана; в докладе приводится таблица с названиями пунктов назначения и дорог и именами полевых командиров, которые их контролируют. У Абдуллы Раззика много титулов - "командир", "полковник", "генерал", "директор", но значение имеет то, что он контролирует пограничный переход Чаман - Спин-Болдак, важнейшие ворота для всех поставок, направляющихся из Пакистана напрямую в Южный Афганистан. В возрасте 30 лет полковник Раззик является главой племени Ачакзай, которое проживает в приграничной территории. Его полуофициальным титулом является "начальник штаба пограничной полиции провинции". "По данным американских военных, Раззик обладает почти полным контролем над Спин-Болдаком и пограничным переходом. Он является владельцем компании-грузоперевозчика, командует 3500 полицейскими, эффективно контролирует местное правительство и, как сообщалось, зарабатывает миллионы на вымогательстве с проезжающих транспортных средств и на контрабанде наркотиков". По этим же самым дорогам перевозятся прекурсоры и наркотики; эти же полевые командиры получают деньги за их перевозку. Минобороны США об этом знает. Действительно, в середине января 2010 г. генерал Стэнли МакКристал сам летал в Спин-Болдак, чтобы побудить полковника Раззика увеличить объем перевозок и улучшить эффективность на границе. Боевики категорически отрицают, что часть денег уходит движению "Талибан", но доклад Конгресса приходит к выводу, что дело обстоит именно так. Подрядные контракты с ними означают молчаливое согласие на транспортировку наркотиков, гарантируют невмешательство органов, которые должны были бы бороться с наркотрафиком, и отсутствие преследования.

В ряде ситуаций подобное поведение действительно давало сиюминутную выгоду, позволяло гибко лавировать, не сдерживая себя излишними принципами и обязательствами. Однако никакие соображения практического рода не могут привести к эрозии действующих норм международного права и умалить исключительное значение Совета Безопасности ООН в определении угроз миру, а также мер по их устранению. В соответствии с Уставом ООН именно на Совет Безопасности возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24 гл. V). Лишь Совет Безопасности обладает прерогативой определять существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делать рекомендации или решать вопрос о том, какие меры следует предпринять в данной ситуации (ст. 39 гл. VII).

С точки зрения международного права в вопросах обеспечения мира и безопасности (а мы

отметили, что по всем формальным признакам сегодня к таким вопросам может быть отнесена афганская наркоугроза) не существует и невозможно появление подмен, аналогов или альтернатив для императивных решений Совета Безопасности ООН. Нет смысла апеллировать к пресловутой неэффективности его резолюций. Они выполняются в той степени, в какой насыщены содержанием и потенциалом действия со стороны самих государств, входящих в Совет Безопасности ООН. При этом любое решение, исполненное должным образом, в свою очередь, повышает эффективность работы Совета и укрепляет возможности для его последующих акций.

Россия всегда подчеркивала ключевую координирующую роль Совета Безопасности в вопросах международной безопасности. Нет никаких сомнений в том, что этот уставной орган ООН должен быть главным в определении статуса проблемы наркопроизводства в Афганистане. Только Совет Безопасности ООН, действуя на основании [главы VII](#) Устава ООН, может квалифицировать сложившуюся катастрофическую ситуацию как угрозу для международного мира и безопасности (причем принимать такие решения - не только право, но и обязанность Совета). И только такая квалификация Совбеза ООН будет служить юридической базой, чтобы задействовать весь арсенал императивных норм права международной безопасности <8>.

<8> Напомним, что Устав ООН указывает широчайший арсенал мер, которые могут употребляться для устранения угроз для мира и безопасности, вплоть до таких действий воздушными, морскими и сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности ([ст. 42 гл. VII](#)).

Имеющиеся прецеденты квалификации Советом Безопасности ООН терроризма и особенно распространения и незаконного оборота ОМУ на основании положений [главы VII](#) Устава ООН могут стать хорошим ориентиром и источником значимых решений, в частности в области введения элементов соответствующего санкционного режима, установления ответственности за действия/бездействие, приращивающие угрозу, наложения ограничений на определенные виды действий, а также по многим другим аспектам.

В конечном счете возможное решение Совета Безопасности ООН о квалификации афганского наркопроизводства в качестве угрозы для международного мира и безопасности ценно не само по себе, а теми последствиями, которые будет иметь его реализация на практике. Последствиями, которые позволят сделать более безопасной и благополучной жизнь миллионов людей не только в самом Афганистане, но и в десятках других стран. Естественно, в том случае, если субъективный индивидуально-конъюнктурный подход некоторых государств к оценке афганской нарkokатастрофы уступит место объективному подходу, основанному на обновляющемся, но все еще действующем международном праве.
